

ЛУЧШИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

МИРОВОЕ
ПРИЗНАНИЕ!

■ ТЭМИ ХОУТ

ПРАХ К ПРАХУ ■

ЭКМО

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 85

Tami Hoag

ASHES TO ASHES

Copyright © 1999 by Diva Hoag, Inc.

Дизайн серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Фотография Тэми Хоуг на 4-й стороне обложки:
Alyssa Orr / The Palm Beach Post / ZUMAPRESS.com /
Legion-Media

Хоуг Т.
Х 87 Прах к праху / Тэми Хоуг ; [пер. с англ. А. Бушуева]. —
М. : Эксмо, 2013. — 576 с. — (Лучший психологический детектив. Мировое признание!).

ISBN 978-5-699-62572-7

В Миннеаполисе объявился маньяк, убивающий женщин. Пресса уже успела окрестить его Крематором. Сразу после третьего убийства, жертвой которого предположительно стала дочь миллиардера Питера Бондюрана, полиция находит молодую девушку, заявившую, что она видела Крематора. Власти решают привлечь к работе с единственной свидетельницей адвоката Кейт Конлан, работающую в отделе по защите жертв преступлений. А ФБР отряжает на поимку преступника своего лучшего агента Джона Куинна. Пять лет назад Кейт и Джон работали бок о бок в Бюро – и были влюблены друг в друга. Потом Кейт разорвала отношения с Куинном. И вот они снова вместе, идут по следу неуловимого маньяка, еще не зная, как круто и как скоро изменится их жизнь...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-62572-7

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ГЛАВА 1 ■

Некоторые рождаются убийцами. Некоторые ими становятся. Иногда корни желания убить человека теряются где-то далеко в неблагополучном детстве и безбашенной юности, и никому не дано понять, является ли это желание врожденным или приобретенным...

Он отрывает тело от заднего сиденья машины подобно тому, как с пола скатывают в рулон старый ковер. Подошвы башмаков шуршат по асфальту автостоянки; затем затихают, стоит ступить на траву и твердую землю. Для Миннеаполиса эта ноябрьская ночь очень даже теплая. Ветер крутит по земле опавшие листья. Голые ветви деревьев гремят друг о друга, словно мешки с костями.

Он знает, что относится ко второй категории убийц. Он провел много часов, дней, месяцев, изучая свое желание убивать и корни этого желания. Ему известно, кто он такой, и он давно примирился с этим. Раскаяние или чувство вины ему неведомы. По его мнению, совесть, правила, законы — совершенно ненужные вещи и лишь ограничивают человеческие возможности.

В мир морали человека приводит страх, а не любовь.
Пол Рикер, «Символизм зла».

Его истинное «я» придерживается лишь собственного поведенческого кодекса: он создан повелевать, помыкать, приказывать.

Ущербный серпик луны смотрит на землю, и его слабый свет меркнет под сплетением конечностей. Он укла-

дывает тело, ощущая удовлетворение от того, что делает, и чертит слева на груди жертвы две перекрещивающиеся буквы Х. С церемониальной торжественностью льет воспламенитель. Умашивает мертвую. Символизм зла. Его истинное «я» приемлет зло как повелителя всего сущего. Топливо для адского пламени.

— Прах к праху.

Звуки следуют в строгом порядке. Волнение в груди усиливает их. Чирканье спички о коробок, легкий хлопок, сопровождающий появление первого язычка пламени, свист взметнувшегося вверх огня. Память проигрывает предшествующие звуки — боли и страха. Он вспоминает дрожь в ее голосе, когда она умоляла сохранить ей жизнь; высоту и тембр каждого крика, когда он истязал ее. Искаженное мукой лицо, гримасы жизни и смерти.

На какой-то миг он позволяет себе восхититься этим сладостным зрелищем, ощутить исходящий от пламени жар, который лижет лицо подобно языкам желания. Он закрывает глаза и прислушивается к шипению и потрескиванию, глубоко вдыхает аромат обугленной плоти.

Довольный, взволнованный, возбужденный, он достает из брюк набухший член и ласкает его. Он почти доводит себя до оргазма, однако семени не изливает. Он специально откладывает этот момент, когда сможет сполна отпраздновать успех.

Цель хорошо видна. У него есть план, тщательнейшим образом разработанный и выстроенный, и план этот должен быть выполнен, причем идеально. Его имя будет жить, покрытое дурной славой, вместе с другими великими именами — Теда Банди, Кемпера, Бостонского Душителя, Убийцы с Зеленой Реки. Местная пресса окрестила его Крематором.

Эта мысль вызывает улыбку. Он чиркает очередной спичкой и держит ее перед собой, разглядывая пламя, любясь чувственной пляской оранжевых язычков. Подносит спичку ближе, открывает рот и пожирает огонь.

Затем поворачивается и уходит. Мысли уже заняты тем, что будет в следующий раз.

Убийство.

Это зрелище крепко впечаталось в глубины памяти, в заднюю стенку глазных яблок, и хотя лицо застилают слезы, она все равно его видит. Тело извивается в медленной агонии, его ужасная судьба предрешена. Декорацией в кошмарной сцене служат оранжевые языки пламени.

Огонь.

Она бросается бегом. Легкие горят, ноги вот-вот не выдержат и сломаются, глаза щиплет, горло саднит. В одном из уголков сознания она представляет себя на месте трупа. Может, именно такой и бывает смерть. Что, если огонь пожирает тело, а сознание — это просто душа, которая рвется наружу, дабы не терпеть адских мук? Ей не раз говорили, что именно так закончит свое существование этот мир.

Где-то поблизости раздается вой сирены, и ночную темноту прорезают синие и красные вспышки. Рыдая и спотыкаясь, она выбегает на улицу. Разбивает правую коленку о мерзлую землю, но все равно заставляет себя бежать дальше.

Беги, беги, беги...

— Стоять! Полиция!

Машина все еще припаркована у тротуара. Дверь открыта. Рядом прогуливается полицейский. В руках у него пистолет. Дуло направлено прямо в нее.

— Помогите мне! — застревает в ее горле хриплый шепот. — Помогите мне! — выдыхает она, и слезы застилают глаза.

Колени подгибаются, не выдержав веса, не выдержав веса ее страха, не выдержав веса ее сердца, которое разбухло до огромных размеров и гулко стучит в груди.

Полицейский бросается к ней, засовывает пистолет в кобуру и опускается на землю рядом. Должно быть, еще новичок, мелькает в сознании смутная мысль. Она знала не одного четырнадцатилетнего хулигана, у которых было гораздо больше мозгов. Она вполне могла бы вырвать оружие. Будь то нож, могла бы приподняться и заколоть его.

Взяв ее твердыми руками за плечи, полицейский ее приподнимает с земли, чтобы она могла сесть. Вдали по-прежнему воют сирены.

— Что случилось? С вами все в порядке? — У него лицо ангела.

— Я его видела, — говорит она, задыхаясь, трясаясь, ощущая в горле привкус желчи. — Я там была. О господи! Черт, я видела его!

— Кого?

— Крематора.

■ ГЛАВА 2

— Ну почему я всегда бываю не там, где надо, и не тогда, когда надо? — пробормотала Кейт Конлан.

Не успела она вернуться из отпуска — если этим словом можно назвать поездку к родителям в такое адское место, как Лас-Вегас, — как уже умудрилась опоздать на работу. Вдобавок разболелась голова, а еще захотелось придушить сержанта из отдела сексуальных преступлений за то, что тот спугнул одного из ее клиентов, и теперь придется расхлебывать кашу, выслушивая, что думает по этому поводу прокурор. А если прибавить еще и один каблук на дорогутих стильных лодочках, который расшатался и грозил вообще отвалиться, за что спасибо пандусу на крытой парковке на Четвертой авеню...

А теперь еще и псих с пистолетом.

Никто, казалось, не заметил, когда он, подобно безумному коту, прогуливался по краю просторного атриума администрации округа Хеннепин. Кейт сказала бы, что ему за тридцать и что он на пару дюймов выше ее — а в ней, как известно, росту почти шесть футов, — худощавый, но при этом крепкий. А еще он явно чем-то взбудоражен. Как будто недавно пережил эмоциональное потрясение — или неприятности на работе, или поссорился с

девушкой. Скорее всего, разведен или давно живет один, но не бездомный бродяга. Одежда мятая, но чистая, да и ботинки на ногах вполне приличные. Бродяги в таких не ходят.

Кроме того, он истекал потом, словно толстяк в сауне. При этом не снимал пиджак, а сам все время ходил вокруг новой скульптуры, которую установили здесь в зале — некие потуги на изобразительное искусство, нечто, сделанное из расплавленных пистолетов, — и что-то бормотал под нос. Одна рука лежала на груди, на расстегнутой толстой парусиновой куртке. В таких еще ходят охотники. Внутреннее напряжение обезобразило его лицо едва ли не каменной маской.

Не сводя со странного незнакомца глаз, Конлан сначала сняла с ноги туфлю, на которой качался каблук, а затем и второй, и, запустив руку в сумочку, вытащила оттуда мобильник. В тот же самый момент странный тип привлек внимание дежурной в информационном киоске, расположенном примерно в двадцати футах.

Черт побери!

Кейт медленно выпрямилась и кнопкой срочного вызова набрала нужный номер. С внешнего телефона охранников она вызвать не могла. Ближайший из них находился по другую сторону огромного атриума, где в данный момент увлеченно болтал с почтальоном. Слегка склонив голову набок, словно ее похожая на сахарную вату блондинистая прическа давила своей тяжестью, дежурная из окошка справочной службы вышла навстречу странному типу.

Черт!

Раздался телефонный гудок — один, затем второй. Кейт медленно направилась вперед, в одной руке сжимая телефон, в другой туфлю.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — спросила дежурная с расстояния трех-четырёх шагов. Кровь точно испортил ее шелковую блузку цвета слоновой кости.

Мужчина в куртке резко обернулся.

— Я могу вам помочь? — повторила дежурная.

Четвертый гудок..

Между Кейт и типом в парусиновой куртке стояла латиноамериканской внешности женщина с ребенком на руках. Конлан показалось, что незнакомец даже дрожит, с трудом сдерживая злость, или отчаяние, или что-то другое, что двигало им сейчас или пожирало изнутри.

Пятый гудок.

— Приемная прокурора округа Хеннепин...

— Да, черт побери!

Мужчина в куртке явно не собирался стоять на месте. Он сделал шаг и сунул руку в карман. Зрачки его расширились.

— Всем на пол! — прокричала Кейт, забыв про телефон.

Дежурная из справочной службы застыла на месте как вкопанная.

— Кто-то, черт побери, заплатит! — заорал странный тип и, подбежав к женщине, свободной рукой схватил ее за локоть. Дернув дежурную, он вытащил пистолет и принялся размахивать им перед ее лицом. Хлопок выстрела эхом отразился от высокого потолка и больно ударил по барабанным перепонкам всех присутствующих. Фойе тотчас взорвалось испуганными криками. Теперь его заметили все.

Конлан подбежала к нему со спины и, словно молотком, ударила его в висок каблуком зажатой в руке туфли. Тип с пистолетом вскрикнул от боли и удивления, однако мгновенно среагировал и двинул правым локтем ей прямо в ребра.

Дежурная из справочной службы, которая до этого зашлась истерическим воплем, не то споткнулась, не то потеряла сознание и всем весом навалилась на своего обидчика. Тот, сыпя проклятиями, упал на одно колено и сделал еще выстрел, на этот раз вниз. Пуля рикошетом отскочила от пола.

Кейт повалилась вместе с ним, левой рукой хватая его за воротник. Он не должен уйти от нее. Зверь, который

жил внутри его, вырвался на свободу. Если он ускользнет, то дело не ограничится шальными пулями.

Ноги в капроновых колготках скользили по полу, не давая толком подняться, и Кейт, когда стрелявший сам принял вертикальное положение, вцепилась в куртку и повисла на нем. Затем, изловчившись, вновь изо всех сил врезала ему по уху. Он попытался повернуться и ударить ее пистолетом. Но Кейт схватила его руку и заломила вверх. Пистолет выстрелил снова, и она с ужасом подумала, что над ними еще двадцать этажей офисов и помещение суда.

Пока они боролись за обладание оружием, Конлан подставила подножку и навалилась на упавшего всем телом. Оба тут же рухнули на пол и, перекатываясь друг через друга, вывалились по ступеням эскалатора на уровень улицы, где были встречены криками: «Ни с места! Полиция!»

Кейт посмотрела на угрюмые лица и, морщась от боли, пробормотала:

— Наконец-то, черт побери!

— Эй, посмотри! — воскликнул один из помощников прокурора, высунув нос из-за двери. — Да это же Грязная Харриэт!¹

— Очень смешно, Логан, — огрызнулась Кейт, шагая по коридору в приемную окружного прокурора. — В книжке вычитал, что ли?

— Тебя в фильме должна играть Рене Руссо².

— Непременно передам твоё мнение на киностудию.

Спину и бедро скрутил приступ боли. Кейт отказалась показываться врачу. Забежав в туалет, лишь наскоро причесалась, собрала в хвост рыжую гриву, смыла с лица кровь, выкинула в мусорку испорченные колготки и вер-

¹ Главный персонаж американского порнофильма «The Dirty Harriet» (1986).

² Известная американская киноактриса, снимавшаяся преимущественно в экшенах.

нулась в кабинет. У нее не было телесных повреждений настолько серьезных, чтобы делать рентген или накладывать швы и тратить на это пол-утра. Вот она, цена героизма: вместо нормальных обезболивающих ей сегодня придется довольствоваться «Тайленолом», холодным джином и горячей ванной. Кейт наперед знала, что еще пожалеет об этом.

Внезапно она подумала, что уже не так молода, чтобы голыми руками ловить сумасшедших и спускать их с эскалатора. И все равно гнала прочь мысль, что в сорок два что-то может быть уже поздно. К тому же прошло всего пять лет с начала того, что она называла «второй взрослой жизнью». Вторая карьера, второй удар по стабильности и рутине.

Единственное, о чем она мечтала вдалеке от сверкающего огнями Лас-Вегаса, было возвращение к нормальной, размеренной, относительно спокойной жизни. Тишина и покой. Изученные вдоль и поперек хитросплетения работы адвоката из отдела психологической поддержки потерпевших и свидетелей. Кулинарные курсы, которые намеревалась закончить.

Но нет, именно ей довелось заметить психа с пистолетом. Почему-то именно она всегда их замечала.

Предупрежденный о ее приходе секретаршей, окружной прокурор лично распахнул перед Кейт дверь. Тед Сэйбин был высоким красивым мужчиной с властными манерами и прядью седых волос надо лбом, которую он резким движением откидывал назад. Сидевшие на орлином носу круглые очки в стальной оправе придавали ученый вид и скрадывали тот факт, что голубые глаза посажены чересчур глубоко и чересчур близко.

Когда-то Сэйбин был главным действующим прокурором, но сейчас брался за работу только тогда, когда попадалось особо важное дело. Его должность начальника носила в большей степени административный и политический характер. Он руководил многочисленным штатом юристов, пытаясь справиться с грузом задач, стоявших перед судебной системой округа Хеннепин. Обеды и ве-

вчера проводил в компании власть имущей элиты Минне-аполиса — налаживал связи, выискивал покровительство. Поговаривали, будто Сэйбин положил глаз на сенаторское кресло.

— Здравствуй, Кейт! Проходи! — поздоровался он, и на лице появилось выражение почти неподдельного беспокойства. Заботливо положив руку на плечо, он проводил Кейт в глубь кабинета и усадил на стул. — Как ты? С тобой все в порядке? Мне уже доложили, что произошло сегодня утром внизу. Господи, тебя же могли убить! Ты проявила исключительную храбрость!

— Ничего подобного! — запротестовала Конлан, пытаясь увернуться от знаков прокурорского внимания. Она села на гостевой стул и тотчас же поймала на своих голых скрещенных ногах его взгляд. Затем незаметно поправила черную юбку и пожалела, что не достала запасную пару колготок, которая, по идее, должна лежать в ящике рабочего стола. — Я просто среагировала на опасность. Как дела у миссис Сэйбин?

— Хорошо, — даже не задумавшись над вопросом, ответил окружной прокурор и, прислонившись к краю стола, пристально уставился на Кейт. — Просто отреагировала? Так, как учили в Бюро?

У него явно имелся пунктик на тему того, что она когда-то работала в ФБР, хоть и говорила, что это было «в прошлой жизни». Кейт лишь предполагала, какие непристойные фантазии могли роиться на этот счет в прокурорской голове. Ролевые игры с доминированием, черная кожа, наручники, плетки. Фу-у-у...

Она переключила внимание на непосредственного начальника, руководителя отдела психологической поддержки жертв и свидетелей, занявшего второй стул. Роб Маршалл был полной противоположностью Сэйбину — невысокий, рыхлый и неопрятный. Круглая, словно тыква, голова покрыта редующими рыжеватым волосами, подстриженными так коротко, что казалось, будто это не волосы, а ржавые пятна. На красноватом, в следах от юно-

шеских прыщей лице красовался короткий, похожий на картофелину нос.

Маршалл руководил ею вот уже полтора года — с тех пор, как перевелся в Миннеаполис с аналогичной должности из Мэдисона, штат Висконсин. Все это время они пытались найти разумный баланс служебных отношений, с учетом разницы в характерах и стиле работы. Начальник решительно не нравился Конлан. По ее убеждению, это был беспринципный прихлебатель, строго контролировавший, однако, каждый шаг подчиненных, что шло вразрез с ее стремлением к самостоятельности. Он, в свою очередь, считал ее упрямой и нагловатой выскочкой. Кейт принимала это за комплимент. Впрочем, она постоянно напоминала себе о том, что забота Роба о потерпевших в какой-то мере компенсирует его недостатки. Помимо непосредственных административных обязанностей, Роб Маршалл частенько сидел вместе с жертвами в конференц-зале и даже лично участвовал в работе группы психологической поддержки.

И вот сейчас он в упор смотрел из-за круглых стекол очков, поджав губы, словно щупал языком больной зуб.

— Тебя ведь могли убить. Почему ты не позвонила ох-ране?

— Не успела.

— Инстинкт, Роб! — вставил Сэйбин, обнажив в улыбке лошадиные зубы. — Думаю, нам с тобой никогда не понять Кейт, потому что такой нюх дан далеко не всем и тренируется годами.

Кейт не стала в очередной раз напоминать, что проработала не один год в ФБР, а именно в отделе криминальной психологии Национального центра по изучению тяжких преступлений. Что касается оперативной работы, то это было уже почти сто лет назад.

— Мэр наверняка пожелает вручить тебе награду, — заявил Сэйбин, явно рассчитывая на то, что сумеет протиснуть свою физиономию на фотографию, сделанную по этому случаю.

Что касается Конлан, то слава ей ни к чему. Совсем ни к чему. Ее долг как адвоката — работать с жертвами преступлений и свидетелями, помогать им пройти через тернии судебной системы, по возможности поддерживая их морально. Если же за ней станут гоняться папарацци, это наверняка отпугнет кое-кого из клиентов.

— Я бы предпочла обойтись без наград. Особенно если учесть мою работу. Ты согласен, Роб?

— Кейт права, мистер Сэйбин, — произнес Маршалл с заискивающей улыбкой — такая частенько бывала на его лице, когда он нервничал. Конлан называла ее «улыбочкой жополиза». Стоило ему так улыбнуться, как тотчас исчезали глаза. — Ее портрет на страницах газет нам ни к чему... тем более в данных обстоятельствах.

— Пожалуй, вы правы, — кисло согласился Сэйбин. — Как бы там ни было, Кейт, то, что случилось этим утром, не имеет никакого отношения к тому, зачем мы пригласили тебя сюда. Мы поручаем тебе свидетеля.

— Тогда к чему все эти фанфары?

Большинство клиентов Кейт получала автоматически. Работая с шестью прокурорами, она никогда не сидела без дела. Разве что ей еще ни разу не доставались дела об убийстве, которые обычно брал на себя Роб. Впрочем, поручение — это, как правило, лишь телефонный звонок или визит в кабинет. Сэйбин никогда не тратил драгоценное время на такие мелочи.

— Надеюсь, ты в курсе убийства двух проституток? — спросил он. — Оба случая произошли по осени, и оба раза тело сожгли.

— Разумеется, я в курсе.

— Так вот. Теперь мы имеем третий случай. И произошел он прошлой ночью.

Конлан посмотрела сначала на одного собеседника, затем на второго. Лица обоих оставались хмурыми. За спиной Тэда открывался панорамный вид деловой части Миннеаполиса, какой можно увидеть лишь с двадцать второго этажа.